

Министерство науки и высшего образования РФ
Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт
Кафедра востоковедения

К 60-летию гуманитарного образования в НГУ

V Международная научно-практическая конференция

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР
СТРАН ВОСТОКА»,**

посвященная 90-летию

выдающегося российского этнолога и антрополога,

члена-корреспондента РАН

Сергея Александровича Арутюнова

Сборник тезисов

Новосибирск, 2022

Секция «Археология, древняя и средневековая история»

С. А. Комиссаров

ИАЭТ СО РАН; НГУ, Новосибирск

МЭНЬБА: НАРОД ЗА ТРЕМЯ ГРАНИЦАМИ

Мэньба (монба, монпа) – народ, проживающий в основном в округе Мэньюй на юго-востоке Тибетского автономного района КНР; с этим топонимом связывают их название (возможный перевод: «люди из нижней страны»). Численность составляет 11 143 чел. (2020 г., перепись), возможно, несколько больше. Язык относится к бодической группе тибето-бирманских языков в составе сино-тибетской языковой семьи; своей письменности они не имеют, используют тибетскую. Также значительные группы *мэньба* проживают в штате Аруначал-Прадеш в Индии (до 50 тыс. чел., оценка) и в Бутане (свыше 2,5 тыс. чел., оценка) [Kazuharu Mizuno, Lobsang Tenpa, 2015].

Первые упоминания о них в тибетских летописях датированы 823 г.; к XV в. район Мэньюй вошел в состав Тибетского государства, которое распространило там ламаизм. Центром религиозной и политической жизни стал монастырь Таванг, основанный в 1681 г. [До Буцзе, 2012]. Большинство *мэньба* следовали буддизму школы гелугпа; у индийских *монпа* определенное значение играла религия *бон*. У всех групп сохранились анимистические представления (почитание духов гор и деревьев, особое отношение к тигру).

Проживание довольно больших групп *мэньба* в течение длительного времени на территории трех разных государств позволяет провести сопоставительный анализ основных этнографических признаков и выделить из их числа наиболее устойчивые, вероятно, самые древние.

Доклад подготовлен по проекту НИР ИАЭТ СО РАН, № FWZG-2022-0004.

Библиографический список

Kazuharu Mizuno, Lobsang Tenpa. Himalayan nature and Tibetan Buddhist culture in Arunachal Pradesh, India: A Study of Monpa. Tokyo: Springer Japan, 2015. 210 p.

До Буцзе. Чжунго мэньбацзу [多布杰。中国门巴族]. Народ мэньба Китая. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2012. 164 с.

Д. В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИИ КЕРАМИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В СИНЬЦЗЯНЕ (КНР)

Андроновская культурно-историческая общность (КИО) – одно из крупнейших культурных образований, занимавших обширную территорию Северной и Центральной Азии. Внутри андроновской КИО выделяют различные локальные варианты – петровский, алакульский, федоровский, амангельдинский, атасукский, семиреченский и др. [Кузьмина, 2008]. Благодаря масштабным археологическим работам в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР были исследованы новые памятники андроновской КИО, включая могильники, городища, писаницы. Одной из наиболее распространенной находкой является керамическая посуда.

Обнаруженные емкости можно разделить на две группы – горшковидные с выделенной горловиной и баночные. Для горшковидной посуды характерны вытянутые пропорции, когда диаметр тулова уже общей высоты, горловина слабопрофилирована, дно узкое с выделанной придонной частью. Найдены сосуды на поддоне. Баночные сосуды представлены емкостями как вытянутых, так и приземистых пропорций, с узким и средним дном, выделенной придонной частью. Отличительной особенностью андроновской КИО в Синьцзяне является преобладание полностью неорнаментированных сосудов над украшенными. Орнамент представлен рядами треугольников, заполненных оттисками гребенчатого штампа, меандровидными узорами, треугольниками у

придонночасти.

Библиографический список

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М: Изд-во «Летний Сад», 2008. 558 с. (на рус. яз.)

Шао Хуэйцю. Синьцзян дицюй аньдэлоново вэньхуа сянгвань ицунь таньси [邵会秋。新疆地区安德罗诺沃文化相关遗存探析]. Анализ материалов, связанных с андроновской культурой, из Синьцзяна // Бяньцзян каогу яньцзю. Вып. 8. 2009. С. 81–97. (на кит. яз.)

Е. А. Гирченко, А. Д. Кравцова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЯ НА ТАШТЫКСКУЮ КУЛЬТУРУ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Исследованием таштыкской культуры в разное время занимались множество именитых ученых: С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов, М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая и многие другие, но каждый из них отмечал, что некоторые инновации позднего этапа культуры не могли быть следующей ступенью самостоятельного эволюционного развития, а очевидно были связаны с внешним воздействием тюркского или китайского происхождения [Вадецкая, 1999]. Предметы китайского облика, пути их возможного проникновения на территорию южной Сибири и степень влияния на формирование местных традиций являются предметом данного исследования. Присутствие китайского импорта, большое количество подражаний, а также заимствование не только материальной культуры, но и элементов погребальной обрядности говорят о тесных и регулярных контактах. В первую очередь, это касается таштыкских

склепов, где среди других находок встречаются, например, фигурки миниатюрных храмов, похожих на китайские, известные с эпохи Хань и предназначенные для церемоний жертвоприношения, деревянные фигурки лошади с приподнятой ногой или фигурки возниц в миниатюрных повозках и т.д. Возможно, имело место и китайское влияние на таштыкские графические миниатюры, т.к. изображения людей имеют характерно китайские прически и одежды [Киселев, 1949]. Отдельно рассмотрены элементы ханьской культуры в материалах Абаканского дворца, крупной постройки в китайском стиле, открытой на левом берегу р. Абакан.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 22-78-10121)

Библиографический список

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с. (на русс. яз.)

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. № 9) (на русс. яз.)

Е. А. Гирченко, А. Ю. Саморукова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПРИГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ В ПЕРИОД ЗАПАДНОЙ ХАНЬ

Период Западной Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.) характеризуется значительным увеличением численности населения, ростом городов, развитием промышленности и торговли. В 121 г. до н. э. после победы ханьской армии над сорокатысячным хуннским воинством коридор Хэси, соединяющий восточный и северо-западный Китай, вошел в состав Ханьской империи. В 111 г. до н. э. на захваченной территории были образованы четыре округа и две заставы. С целью укрепления ханьской власти туда переселяли бедняков и заключенных из

внутренних районов, кроме того, поддерживалась большая численность постоянного военного гарнизона. Торговля с Западом благодаря началу стабильного функционирования Великого Шелкового пути развивалась, что дало толчок к созданию многоуровневой административной системы на местах и диверсификации экономики региона. Рынки *гуаньши* при приграничных заставах стали основным местом взаимодействия с северными народами. Одновременно с проведением «политики открытости», осуществлялся и строгий контроль за объемами экспорта и закупкой товаров за пределами Великой китайской стены. Существовали контрольно-пропускные пункты, проехать сквозь которые можно было только при наличии специального верительной грамоты, также фиксировалось количество покинувших крепости лошадей, что было связано с необходимостью обеспечить безопасность и достаточное функционирование города. При гарнизонах имело место подсобное хозяйство. Торговля и обмен предметами одежды и быта среди ханьского личного состава не запрещались, но нерегламентированные торговые отношения с представителями неханьского населения за пределами округов строго возбранялись, например, запрещалась торговля оружием, железом и другими стратегически важными товарами.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 22-78-10121)

М. А. Кудинова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ УСУНЕЙ В АРХЕОЛОГИИ КИТАЯ

В изучении культуры усуней китайские исследователи, прежде всего, базируются на анализе исторических памятников. С конца 1950-х гг. еще одним источником информации становятся материалы археологии [Ли Фан, 2010. С. 123–124]. В 1960–1970-х гг. в ходе разведок и раскопок погребальных памятников в юго-западной части Или-Казахского автономного округа шло накопление данных, которые были обобщены в работе Ван Минчжэ и Ван Бинхуа [1983]. Полевые исследования были продолжены в 1980–2000-х гг., однако их результаты мало известны за пределами Китая, поскольку

публиковались, в основном, в местных синьцзянских изданиях. Исключение составляет погребение в Бома, которое часть исследователей связывают с усунями. В 2010-х гг. крупный проект по изучению археологии усуней был реализован в Университете Чжэнчжоу под руководством Сунь Вэя, он был направлен на перевод и анализ работ зарубежных исследователей. Основными проблемами, интересующими китайских ученых в настоящее время, являются: районы расселения усуней до и после переселения на запад; расположение столицы усуней – города Чигучэн; роль скотоводства и земледелия в экономике усуней. Отдельно необходимо выделить дискуссию о датировании и этнокультурной атрибуции комплекса Бома. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>.

Библиографический список

Ван Минчжэ, Ван Бинхуа. Усунь яньцзю [王明哲、王炳华。乌孙研究]. Исследование усуней. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1983. 200 с. (на кит. яз.)

Ли Фан. Цзяньго илай юэчжи, усунь яньцзю цзуншу [李芳。建国以来月氏、乌孙研究综述]. Обзор исследований юэчжей и усуней со времени создания КНР // Сиюй яньцзю. 2010. № 3. С. 112–124. (на кит. яз.)

С. С. Силичева

Korea National University of Cultural Heritage, Buyeo, Republic of Korea

ИСТОКИ ОБРАЗОВ «МИФИЧЕСКИХ» СУЩЕСТВ СЕВЕРНЫХ ДИНАСТИЙ КИТАЯ

Хотя Северные династии Китая были сформированы племенами кочевников, со временем они китаизировались как в политической, так и в культурной сфере.

Тем не менее в духовной культуре можно проследить параллели по образам и изображениям, близким к известным в соседних культурах кочевников. Среди этих образов изображения «мифических», корректнее будет использовать эпитет «божественных», существ передают как духовную культуру в целом, так и взгляды на жизнь и смерть, загробный мир в частности.

В данном исследовании предпринята попытка проследить культурные корни образов божественных существ Северных династий, с целью выявить аналогии с культурой кочевников, которые способствовали принятию Северными династиями центральной китайской культуры, не только будучи результатом её политического влияния в регионе, но и в результате наличия сходных элементов духовной культуры. В ходе исследования были рассмотрены взаимосвязи образов в различных культурно-географических направлениях, а также их возможные пути распространения. Невозможно было обойти стороной и особенности образов божественных существ в Северных династиях.

По результатам исследования очевидно, что истоки образов божественных существ Северных династий имеют комплексный характер – сочетание исконно кочевого мировоззрения и элементы духовной культуры центрального Китая, а также буддизма. Кроме того связи образов прослеживаются и в культуре корейских государств, а некоторые образы имеют уникальную для Северных династий манеру исполнения. Несмотря на то, что некоторые образы имеют аналогии в культуре кочевников, необходимо отметить, что в данный период элементы центральной культуры Китая преобладают, что ставит духовную культуру Северных династий в переходную фазу между культурой своих этнических корней и доминирующей в регионе культурой центрального Китая.

Park, Kyujin

Korea University, Republic of Korea

A STUDY ON THE CHARACTERISTICS OF BALHAE AGRICULTURE
(BOHAI, 渤海, 698–926), FOCUSING ON IRON FARMING TOOLS AND

BOTANICAL REMAINS

This study is about agriculture in the Balhae period. The agriculture of Balhae was not well studied due to the lack of data. In particular, since there are very few historical records, it is necessary to check archaeological data for research on agriculture. Therefore, in this study, the characteristics and meanings of Balhae agriculture were examined by analyzing farming tools and botanical remains, which are direct evidence of agriculture.

In the Balhae sites excavated seven types of farming tools, and it can be classified into plowing tool, weeding tool and harvesting tool depending on the purpose. The plowing tool includes plowshare, moldboard, iron axes with a hole, and iron shovels, weeding tool includes iron hoes, and the harvesting tool includes iron sickles and scissors. Most of the farming tools were actually used because it was excavated from dwelling sites. In addition, they were found that all farming tools were mainly used for dry-field farming.

All botanical remains identified in the Balhae sites were excavated in the sites of Primorsky Krai. A total of 16 samples of botanical remains have been identified, all of which are dry-field products and can be classified into millets, sort of barley, legumes, and other crops. Among them, millets are the most identified and are found in most of the sites. Barley/wheat also most identified in sites. The number of crops increases significantly during the Balhae period rather than during the Malgal period.

Through farming tools and botanical remains data, it was found that agriculture in Balhae was mainly dry-field farming. In addition, it seems that plowed rows in a field were created through plowshare; moldboard and it can be understood that deep tillage, crop rotation, and short fallow were used to improve agricultural production.

If rice was cultivated in Balhae, it is more reasonable to view the main producing district is the Balhae area in the Korean Peninsula that relatively good agricultural condition. Assuming that rice was cultivated in Manchuria during the same period, it is most likely that it will be the upland rice of growing in the dry-field due to various conditions.

А. В. Варенов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

ОТКУДА В КНР КОЛЛЕКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЖИВОПИСИ?

В мире существует две коллекции средневековой китайской живописи, хранящихся в Дворцовом музее (Palace Museum) или Музее Гугун – одна (так называемая старая) на Тайване, а другая в Пекине. С началом полномасштабных военных действий Японии против Китая в 1937 г. хранившиеся в Запретном городе коллекции отправили в эвакуацию в Юго-Западный Китай, а к окончанию гражданской войны в 1949 г. переправили на Тайвань. После 1949 г. средневековую живопись для восстановленного музея в Пекине собирали с бору по сосенке. Неожиданную помощь оказал в этом новой народной власти последний маньчжурский император, а в последующем правитель созданного японцами марионеточного государства Маньчжоу-го Пу И (溥仪, 1906–1967).

После Синьхайской революции 1912 г. он продолжал жить в Запретном городе за государственный счет. В первой половине двадцатых годов XX в. Пу И под видом «дарений» (в основном своему же младшему брату) смог вывезти из пекинского дворца значительное количество картин и спрятать их на своей частной квартире в Тяньцзине. В 1925 г. выплаты экс-императору прекратились, а дворец пришлось освободить. До 1930 г. Пу И жил тем, что потихоньку распродал наворованные картины и другие художественные ценности. Часть проданного утекла за рубеж, другая осталась в Китае. Когда японская разведка в 1931 г. вывезла Пу И из Тяньцзиня, чтобы сделать его «императором» марионеточного государства Маньчжоу-го, наворованная коллекция картин оказалась в его новом дворце в Чанчуне. Именно чанчуньская коллекция легла в основу современных собраний средневековой китайской живописи, хранящихся в пекинском музее Гугун и в некоторых провинциальных музеях, в основном, Северо-Восточного Китая.

С. А. Комиссаров, А. И. Соловьев

ИАЭТ СО РАН; НГУ, Новосибирск

НАРОД ТЕЛЭ В ИСТОРИИ КИТАЯ

Этноним *телэ* (возможно, происходит от тюркск. «тегрек» – «телега, повозка») служит обобщающим именем для группы тюркских племен на территориях, сопредельных с Китаем. Первое упоминание о них в летописи «Цзинь шу» под названием *чилэ* относится к 280–289 гг. В других хрониках они известны как *телэ*; их предками названы *динлины*, жившие «к северу от Гоби» в эпоху Хань, и *чиди* периода Чжаньго. В летописи «Вэй шу» говорится, «что язык их близок *сюнну* [хунну], только иногда есть небольшие различия, можно назвать их племянниками *сюнну*». В конце V в. они создали на территории Джунгарии и Восточного Казахстана государство Гаоцзюй, которое боролось за контроль над Великим Шелковым путем [Дуань Ляньцин, 2006]. На Горном Алтае с *телэ* раннего периода связывают памятники берельского типа (IV–V в.); выделяется также курайская культура алтае-телеских тюрков (VII–X в.). В 541 г. *телэ-гаоцзюй* подчинились Жужаньскому каганату, после разгрома *жужаней* вошли в состав Первого Тюркского каганата. В начале VII в. «девять родов» *телэ* (*токуз-огузы*), среди которых выделялись *хуйхэ* и *сеяньто*, создали государственные образования в районе рек Тола и Орхон. В 646 г. *хуйхэ* (предки уйгуров) подчинили *сеяньто*, а в 744 г. участвовали в разгроме Тюркского каганата и создали собственный. В дальнейшем *телэ* растворились в составе Кыргызского и Карлукского каганатов. Их потомками считаются современные народы Южной Сибири: телеуты и теленгиты [Потапов, 1966].

Доклад подготовлен по гранту РФФИ № 22-78-10121.

Библиографический список

Потапов Л. П. Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сб. М.: ГРВЛ, 1966. С. 233–240.

Дуань Ляньцинъ. Динлин, гаоцзюй юй телэ [段连勤。丁零、高车与铁勒].
Динлины, гаоцзюй и телэ. Наньнин: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2006. 447
с.

Секция «Культура, искусство, философия, религия»

Е. Э. Войтишек¹, Яо Сун², П. Д. Рябышев³

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск

² Переводческое агентство «Бочэнь», Далянь, КНР

³ Независимый исследователь, Санкт-Петербург

«АРОМАТИЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ» В КИТАЙСКОМ ЭЗОТЕРИЧЕСКОМ БУДДИЗМЕ

В китайском эзотерическом буддизме воскурение благовоний с древности играло важную ритуальную роль. Благовония в курильницах обязательно помещали на алтарь наряду с душистой водой, цветами, едой и питьем, светильниками («шесть видов подношений» Будде); монахи натирали душистыми мазями свое тело и священные амулеты. Особая роль принадлежала «ароматическим печатям» (香印 *сяньинь*, 香篆 *сянчжуань*) – одному из распространенных способов воскурения благовоний в Китае, начиная с эпохи Тан (618–907), использование которых было связано с ранними даосскими культовыми практиками. Через анализ ряда письменных источников (буддийских сутр) показан механизм магического воздействия таких печатей. Вероятно, в эзотерическом буддизме печать 印 *инь* была важным инструментом – с ее помощью во время ритуала «запечатывали» заклинания «истинного слова», а значения знаков мантры постигали через аромат печати. В связи с этим возможно, что истоки понятия «ароматическая печать» стоит искать в рамках эзотерической традиции китайского буддизма.

Elena E. Voytishek¹, Yao Song², P. D. Ryabishev³

¹ *Novosibirsk State University, Novosibirsk*

² *Bochen Agency, Dalian, China*

³ *Independent researcher*

“INCENSE SEALS” IN CHINESE ESOTERIC BUDDHISM

Since ancient times, the act of burning incense has played an important ritual role in Chinese Esoteric Buddhism. Incense set in censers was specifically placed on the altar along with fragrant water, flowers, food, drink and lamps (the ‘six virtue offerings’ to Buddha). Monks would then rub fragrant ointments on their bodies and sacred amulets. Since the Tang era (618–907), one of the most common ways of burning incense in China was by way of using “incense seals” (香印 *xiangyin*, 香篆 *xiangzhuan*), which played a special role in religious rituals. The use of these seals was associated with early Taoist cult practices. Following the analysis of a number of written sources (Buddhist sutras), the process of the magical effect of such seals is ultimately revealed. The seal 印 *yin* was likely an important tool in esoteric Buddhism. With its help, the spells of the ‘true word’ were ‘sealed’ during the ritual, and the meanings of the signs of the mantra were comprehended through the aroma of the seal. In this regard, it is possible that the origins of the “incense seals” concept should be sought within the Esoteric tradition of Chinese Buddhism.

М. Е. Кравцова

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

ПОЭМА «ПУТЕШЕСТВИЕ В ДАЛЬ» («ЮАНЬ Ю») – ДРЕВНЕЙШИЙ ТЕКСТ ПО ИСКУССТВУ «ВНУТРЕННЕЙ АЛХИМИИ»?

Поэма «Юань ю» (遠遊 «Путешествие в даль») дошла до нас в составе собрания Ван И (王逸, рубеж I—II вв. н. э.) «Чу цы чжан цзюй» (楚辭章句, «Чуские строфы» с построфными и построчными [разъяснениями]), репрезентирующем поэтическую традицию (чуцы 楚辭) древнекитайского

царства Чу (楚, XI—III вв. до н. э.). Ван И приписал поэму Цюй Юаню (屈原, VI—III вв. до н. э.) и отметил силу звучания в ней мотивов обретения бессмертия. С XIII—XVI вв. некоторые старые книжники уверенно соотносили эти мотивы с идеями и практиками, характерными для даосского комплекса «внутренняя алхимия» («внутренняя киноварь», *нэй дань* 內丹), но известного по даосским сочинениям с III—VI вв. Поэтому в чуцыведческой и даологической научной литературе утвердилась точка зрения о создании «Юань ю» не ранее эпохи Хань (漢 III в. до н. э.—III в. н. э.) и об отражении в ней начального этапа формирования общих даосско-религиозных представлений. Сопоставительный анализ текста поэмы с манускриптами на медицинские темы (собственно чускими и из усыпальницы Ли Си 利豨, Мавандуй 馬王堆) позволяет предположить, что в ней излагаются практики, предшествующие именно искусству «внутренней алхимии», и которые могли начать складываться в культуре царства Чу в до-ханьское время.

М. С. Паленко

Университет Бен-Гуриона в Негеве, Беэр-Шева, Израиль

**КРИТИКА УЧЕНЫХ В «БАГДАТСКОМ ПОСЛАНИИ» АБУ ХАЙЙАНА
АТ-ТАУХИДИ (930–1023)**

Предпринята попытка привлечь внимание читателей к до сих пор не заявленному в европейском востоковедении труду ат-Таухиди (ок. 930-1023)¹,

---

¹ Абу Хаййан ат-Таухиди (настоящее имя: ‘Али б. Мухаммад аль-‘Аббас, ок. 930-1023) — известный арабский литератор, философ-моралист. За уникальный стиль своих энциклопедических трудов вошёл в историю арабской литературы как «второй Джэхиз» (знаковая фигура средневековой арабской прозы). Родился в Багдаде, служил придворным переписчиком в г. Рее (недалеко от нынешнего Тегерана). Своё прозвище ат-Таухиди получил либо по причине того, что его отец торговал финиками сорта *ат-тавхид*, либо по названию одного из направлений арабской схоластики, *мутазиллизма*, умеренным приверженцем которого он был. Часто их последователей в те времена называли «ахл аль-‘адл ва ат-тавхид» (Люди справедливости и единобожия). Обычно его имя является «эмблемой» так называемой *адабной* литературы, полунаучного моралистического жанра, обыгрывающего сложные теоретические и умозрительные проблемы в традиционной для арабской культуры манере. За уникальное совмещение философско-научной традиции и внутреннего дискурса, присущего арабской словесности, известен также как «философ среди литераторов и литератор среди философов». В отечественной литературе наиболее системные биографические сведения и анализ ключевых работ приводятся в «Истории арабской литературы» И.М. Фильштинского [Фильштинский, 2010, С. 252-269]. Более детально об особенностях творческого стиля, философии и месте творчества автора в литературном процессе того периода писали Д.В. Фролов [Фролов, 1984, 1985, 1988, 1996, 2012], Е.А. Фролова [Фролова, 1990; 2010, С. 172-189]. На тысячелетие

одного из самых уникальных и выдающихся арабских писателей X в., книге «Багдадское послание» (981 г.). При прочтении труда, помимо богатейшего материала по описанию быта и кипевшей тогда интеллектуальной жизни в культурных центрах Халифата, подлинный интерес вызывает критика ат-Таухйди в адрес тогдашних писателей и учёных, имевших обыкновение собираться в интеллектуальные кружки и в длительных беседах и спорах повышать уровень своих знаний. Именно в этих критических пассажах автор демонстрирует наибольшую осведомлённость и компетентность. Пять наиболее репрезентативных из них были переведены и снабжены комментариями. Книга написана под псевдонимом в грубой и даже пошлой манере. Однако, сохраненная именно в таком виде ведущими арабскими учёными и издателями, книга «Багдадское послание», тем не менее, даёт богатейший материал для понимания развития культуры в переходный период. Также по принципу контраста ярче и яснее оттеняет этические ориентиры, к которым стремился ат-Таухйди, и проливает свет на общую философию культуры и бытия автора.

Mikhail S. Palenko

Ben-Gurion University of the Negev, Beersheba, Israel

CRITIQUE OF SCHOLARS IN “THE BAGHDAD EPISTLE” OF ABU
HAYYAN AL-TAWHIDI (930–1023)

This paper is an attempt to draw readers’ attention to the epistle of one of the most unique and outstanding Arabic authors of the late tenth century, Abū Ḥayyān al-Tawhīdī (c. 930-1023), “The Baghdad Epistle” (c. 981), which has not been presented to the scholars’ view, except in the Arab world. During reading the book the true interest, besides of the abundant information about everyday’s life and active intellectual life in the biggest cultural centers of the Caliphate, can appear towards that criticism with which al-Tawhīdī lashed out to that day’s scholars and writers, who used

---

смерти ат-Таухйди (по мусульманскому календарю) в Каире была организована солидная международная конференция, по результатам которой в 1995-1996 г. три номера литературно-критического журнала «Фусул» [Фусул, 1995, 1996а, 1996б] были полностью посвящены творчеству ат-Таухйди. Новейшей работой является переводная статья Д.В. Микульского [Микульский, 2022]. — *Примеч. перев.*

to gather into intellectual circles and discuss a wide range of topics, widening their knowledge. It is in that critical passages, where the author shows the deepest understanding and competency. The five most representative of them were selected, translated and analyzed. The book was written under a pseudonym in a very low-lived and vulgar way. Nevertheless, issued as such by leading Arabic scholars and publishers, “The Baghdad Epistle” can provide us with the understanding of the process of the cultural development during the transition period and by principle of contrast give us a clue of true ethical values of al-Tawhīdi. Moreover, it sheds a light in general on the author’s philosophy of culture and being.

Секция «Проблемы новой и новейшей истории»

С. Ю. Врадий

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

ДВО РАН, Владивосток

**ИСТОЧНИКИ, ПРИВЛЕЧЕННЫЕ ВЭЙ ЮАНЕМ (1794–1856) ПРИ
СОЗДАНИИ СОЧИНЕНИЯ «ОПИСАНИЕ ЗАМОРСКИХ СТРАН
[С ПРИЛОЖЕНИЕМ] КАРТ» (ХАЙГО ТУЧЖИ)**

«Описание заморских стран [с приложением] карт» Хайго тучжи 海國圖志

– выдающееся сочинение известного цинского ученого Вэй Юаня 魏源 (1794 – 1856) [Вэй Юань, 1844], которое воплотило идеи и познания многих поколений и народов. Сочинение Вэй Юаня представляет собой географическое описание иностранных государств, в нем была предпринята попытка глобально представить внешний мир в новых условиях.

Автором статьи предложен анализ источников, которые послужили основой для написания Вэй Юанем своего произведения. Приводимые сведения позволяют составить представление о накопленной в Китае к первой половине XIX в. информации относительно окружавшего мира, о целях и задачах

сочинения, оказавшего большое влияние на общественную мысль Китая, Кореи, Японии, стран Восточной Азии.

Библиографический список

Вэй Юань. Хайго тучжи [魏源。海國圖志]. Описание заморских стран [с приложением] карт. Б. м., 1844. 50 卷 цз. (на кит. яз.)

А. Н. Мещеряков

НИУ ВШЭ, Москва

ФОРМИРОВАНИЕ МОНОГРАМНОЙ СЕМЬИ В ПЕРИОД МЭЙДЗИ

В период Мэйдзи семья стала считаться основой нового типа централизованного государства. Такому государству требовалась новая семья повышенной прочности. Огромным новшеством в семейном дискурсе периода Мэйдзи явилась настойчивая пропаганда моногамной семьи. Идею моногамии как морального императива привнес в общественный дискурс Мори Аринори. В правящем доме идея моногамии нашла горячую поддержку. В период Токугава развод был явлением обыденным, однако в результате настойчивой пропаганды количество разводов в Японии драматически сократилось: в 1889 г. оно составляло 3.39 промилле, но всего через десять лет упало до 1,53 и имело тенденцию к уменьшению. Если раньше треть браков заканчивалась разводом, то теперь этот показатель снизился до одной восьмой. Гражданский кодекс 1898 г. на многие годы вперед определил базовые характеристики японской семьи в качестве моногамного и патриархального образования.

A. N. Meshcheryakov

National Research University Higher School of Economics, Moscow

FORMATION OF A MONOGAMOUS FAMILY DURING THE MEIJI

PERIOD

During the Meiji period, the family came to be seen as the basis of a new type of centralized state. Such a state needed a new family of increased strength. A great innovation in the family discourse of the Meiji period was the focus on the monogamous family. The idea of monogamy as a moral imperative was introduced into public discourse by Mori Arinori. In the ruling house, the idea of monogamy found strong support. During the Tokugawa period, divorce was commonplace, but as a result of persistent propaganda, the number of divorces in Japan dropped dramatically: in 1889 it was 3.39 per thousand, but after only ten years it fell to 1.53 and tended to decrease. If earlier a third of marriages ended in divorce, now this figure has dropped to one eighth. The Civil Code of 1898 defined the basic characteristics of the Japanese family as a monogamous and patriarchal entity for many years to come.

А. В. Филиппов, М. В. Пилипенко

СПбГУ, Санкт-Петербург

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ В ЯПОНСКИХ ИЗДАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ЯПОНИИ

Данная статья посвящена анализу изобразительных материалов в иллюстрированных изданиях по истории Японии. В расчёт принимались издания на японском языке, где текстовый материал был дополнен схемами, рисунками и фотографиями предметов или событий из разных периодов истории Японии. Тексты всех изданий сопровождаются схематичными планами ландшафта, чертежами архитектурных построек, изображениями исторических артефактов и памятников японской культуры. Предложенные японскими изданиями изображения посвящают в изменения, произошедшие с элементами быта и укладом повседневной жизни японцев на протяжении веков, а также формируют наиболее полное представление о внешнем виде и историческом значении предметов, повсеместно существовавших на протяжении всей японской истории. Все иллюстративные материалы сопровождаются подробными указателями и

сносками: названия частей шлема и доспеха, наименования различных терминов конского снаряжения, виды неглазурованных глиняных фигурок периода Кофун и пр. Текстовые комментарии в сочетании с приложенными иллюстрациями дают максимально доподлинное восприятие представленной информации об отличительных особенностях использования и способах применения орудий труда, военного снаряжения и ритуальных предметов, характерных только для японского архипелага. Благодаря иллюстративному материалу становится более ясен и чётко воспринимаем историко-культурный контекст описываемых событий и предметов, что, в свою очередь, позволяет более детально описать исторические процессы, происходившие на территории японских островов, и дать им более полную оценку в сравнение с нынешними реалиями. Обозревание наглядно-иллюстративных материалов в изданиях по истории Японии, выпущенных японскими печатными компаниями, может оказаться увлекательным даже для современного читателя.

Е. А. Гирченко, Д. В. Кожухар

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

**РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. М. МАКСИМОВА В
СТАНОВЛЕНИИ ШКОЛЫ МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ КНР**

После подписания советско-китайского соглашения о сотрудничестве в сфере культуры 1950 г. практика приглашения китайских студентов в художественные ВУЗы СССР получила широкое распространение, а советские мастера стали отправляться в учебные заведения КНР для проведения курсов различной продолжительности. Одним из первых таких преподавателей стал выдающийся художник Константин Мефодьевич Максимов. Благодаря усилиям мастера в Центральной академии художеств КНР была создана кафедра масляной живописи, разработаны методики преподавания этой дисциплины, проведены первые выставки. Спустя почти 70 лет после приезда К.М. Максимова в Китай по многочисленным интервью, дневникам китайских учеников художника можно

узнать больше об этом периоде деятельности мастера.

Главные принципы работы К.М. Максимова можно сформулировать в следующих пунктах: 1) Первостепенное значение уделялось изучению основных законов искусства, освоению рисования эскиза, техник масляной живописи, цветопередачи и т.д.; 2) Были внедрены рисование с натуры и система пленэров, что раньше никогда не практиковалось в китайских учебных заведениях; 3) При изображении человека труда было важно, чтобы художник перед работой сам попробовал освоить то, что он будет изображать, так как только прочувствовав профессию на себе, можно сделать произведение настоящим; 4) Практиковались индивидуальный подход к каждому студенту и помощь в поиске собственного стиля, так как студент не должен копировать работу своего учителя; 5) К. М. Максимов строго придерживался принципов советского реалистического искусства, но при этом считал, что нельзя отвергать национальные особенности живописи, что впоследствии позволило его ученикам создать свою школу реалистичной живописи, сочетающей европейские техники с традициями гохуа.

**Секция «Современные проблемы международных отношений,
политики и идеологии»**

К. Е. Кузьмин

Иркутский государственный университет, Иркутск

**ПРАЗДНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
КИТАЯ КАК ПРИМЕР КОММЕМОРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КНР**

Память о прошлом в последние годы играет все более значительную роль в формировании идентичностей разного уровня. Она становится инструментом взаимодействия между различными акторами. Растет интерес к memory studies в научном мире. Исследователи затрагивают и отдельные аспекты проблематики коллективной памяти. Одним из направлений является изучение коммеморации как инструмента выражения и сохранения памяти.

Большинство исследователей сходится на том, что коммеморация – это акт вспоминания тех или иных событий прошлого [Малинова, 2017. С. 10]. Некоторые ученые полагают, что важнейшей функцией коммеморации является интеграция и консолидация идентичности [Шуб, 2016. С. 81].

Особый интерес для исследователей коммеморации представляет китайское общество, в котором всегда было особое отношение к прошлому. Зачастую оно одновременно было и важнейшей ценностью для китайской идентичности, и инструментом для политического управления. Ли Даньчжэнь пишет, что в современном Китае «история как наука стала особым государственным институтом, подчиненным политике китайских властей» [Кузьмин, 2021. С. 241]. Коммеморация в современном китайском обществе – это один из инструментов государственной политики.

Одним из самых ярких примеров коммеморации последних лет является празднование 100-летия Коммунистической партии Китая в 2021 г. Эта дата стала важной вехой в современном развитии КНР. Празднование юбилея с выпуском газет и книг, со съемкой фильмов, с открытием памятных мест и мемориалов и с проведением торжественных мероприятий стало одним из коммеморативных ритуалов, повлиявших на единение китайского общества.

Библиографический список

Кузьмин К. Е. Проблема исторической памяти в современных китайско-японских отношениях // Известия Лаборатории древних технологий, 2021. Т. 17. № 2 (39). С. 238–248.

Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз, 2017. № 4 (87). С. 6–22.

Шуб М. Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий, 2016. № 3 (36). С. 80–87.

А. Т. Бобохонов

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика

Узбекистан

ПОСЛЕДНИЕ ТРЕНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ОЦЕНКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСПЕРТОВ

В работе предлагается анализ следующих динамично обсуждаемых научно-политическими кругами вопросов, связанных с КНР.

- нынешнее восприятие Китая в странах ЦА;
- влияние китайских инициатив «Один пояс, один путь» (ОПОП) и Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в развитии Центральноазиатского региона;
- рост долговых обязательств стран региона и ее влияние на будущее взаимоотношений с КНР;
- акцент на применение Китаем «мягкой силы» в странах региона;
- участие Китая в цифровизации (технологическом оснащении) стран региона и трансформации этого фактора в инструмент влияния.

В Китае Центральную Азию рассматривают как жизненно важную для себя зону, от которой зависит его безопасность, в том числе в контексте интеграции стран региона в экономические интересы Китая в рамках ОПОП и АБИИ, и поэтому пристально следят за ходом развития событий в регионе и стремятся принять в нем активное участие. Более того, желание Китая иметь прочное присутствие в Центральной Азии будет неуклонно возрастать, что в свою очередь будет вызывать опасения не только у самих стран региона, но и у других глобальных акторов.

Китай имеет в Центральной Азии сильное политическое и экономическое влияние, но его образу пока не хватает привлекательности. В Пекине же прекрасно осознают, что в перспективе, чтобы играть важную роль в регионе, необходимо усилить «мягкую силу». Без активизации усилий по завоеванию

сердец и умов народов ЦА будет значительно трудно расширить свои экономические, политические и культурные связи. Тем не менее, Китаю нужен стабильный регион, и это подталкивает его на формирование и реализацию внешнеполитической стратегии, один из основных векторов которой направлен на оказание положительного влияния на развитие региона.

Библиографический список

Йошек М., Жениш кызы Дж., Инициатива «Пояс и путь» Китая и её влияние в Центральной Азии. <http://caa-network.org/archives/12138>. 03 Октябрь, 2021.

Плотников Д. Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? 1 июня 2021. https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimy/

Yunis Sharifli. China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway: Opportunities and challenges for China. July 15, 2022. The Diplomat.

А. М. Погорельская, В. Пхонкео

Томский государственный университет, Томск

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ ЛАОСА: ОТДЕЛЬНЫЕ ДОНОРЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Смена доноров помощи развитию Лаоса в XX–XXI вв. обусловлена внутренними политическими изменениями и сдвигами в международных отношениях.

Неудачные реформы, особенности географии и ограниченные внешнеполитические возможности обусловили важность помощи сначала от Франции, с 1975 г. – от Вьетнама, СССР и соцблока в целом, с 1990-х гг. – от агентств ООН, ЕС и США, а также Китая, Таиланда, Австралии и Японии.

В XXI в. в стране созданы целые отрасли, в начале 2010-х гг.

промышленность давала уже 27% ВВП, как и сфера услуг [Морев, 2010. С. 31–32]. За 2003–2013 гг. вышли из бедности около 0,5 млн. человек². Повысился уровень грамотности населения и охвата средним образованием³.

Среди препятствий для развития остаются: региональные диспропорции; низкие инвестиции в образование и здравоохранение; большой внешний долг и несбалансированный бюджет; рост населения, за которым не успевает создание инфраструктуры⁴. По западным меркам препятствиями служат высокий уровень коррупции, nepotизма и однопартийная система, что, однако, не вызывает беспокойства в лаосском обществе.

Библиографический список

Морев Л. Н. Лаос. На пути к статусу "развивающейся страны" // Азия и Африка сегодня. 2010. № 2. С. 31–36.

С. И. Филиппов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ЭТОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП (НА МАТЕРИАЛЕ КОРЕЙСКИХ ДИАСПОР В РОССИИ/СССР)

Исследование стратегий социализации корейцев России–СССР проводится в контексте проблематики лояльности этносоциальных групп по отношению к центральной власти.

Переселенцы из Кореи, будучи лояльными и трудолюбивые подданными (гражданам) Российской империи и СССР, тем не менее, вызывали подозрения как царской, так и советской администрации, а в 1937 г. было принято решение о переселении корейцев в Среднюю Азию по подозрению в поддержке японцев.

---

² Drivers of Poverty Reduction in Lao PDR // The World Bank, 2015. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/590861467722637341/pdf/101567-REPLACENENT-PUBLIC-Lao-PDR-Poverty-Policy-Notes-Drivers-of-Poverty-Reduction-in-Lao-PDR.pdf>

³ Lao People's Democratic Republic // UNESCO Institute for Statistics, 2021. URL: <http://uis.unesco.org/en/country/la>

⁴ Total population (millions) // UNDESA, 2019. URL: <https://hdr.undp.org/en/indicators/44206>

Почему одна из самых лояльных этносоциальных групп Российской империи и СССР последовательно становилась объектом недоверия со стороны власти?

Подозрения в нелояльности связаны со стратегией социализации переселенцев из Кореи. В хозяйствах корейцев, которые, большей частью арендовали землю у уссурийских казаков, лишь частично выращивалась продукция, предназначенная для внутреннего рынка, широкое распространение получило возделывание опиума, который поставлялся в Китай. Высокий спрос на аренду земли позволяло русским землевладельцам вести жизнь «праздного класса», полностью прекратив заниматься производительным трудом. Перспективы деградации казачества с переориентацией дальневосточного земледелия на внешние рынки вызывали серьезные опасения русской администрации. Политикой расказачивания, проводимой Советской властью можно во многом объяснить и репрессии против корейцев в советское время, ведь именно корейские арендаторы были основой благополучия уссурийских казаков.

Депортация российских корейцев в Среднюю Азию, сопровождавшаяся ликвидацией институтов национально-культурной автономии и репрессиями против корейской советской элиты и интеллигенции повлекла смену стратегий социализации. Советские корейцы активно осваивали русский язык, стремясь получить среднее и высшее образование как необходимую предпосылку доступной для них карьеры в сфере народного хозяйства, а также науки.

Sergey Filippov

Novosibirsk State University, Novosibirsk

STRATEGIES OF SOCIALIZATION OF ETHNOSOCIAL GROUPS (BASED
ON THE KOREAN DIASPORAS IN RUSSIA/USSR)

The research of the socialization strategies of the Korean community in Russia-USSR is carried out in the context of loyalty of ethnosocial groups to the central government.

Migrants from Korea, being loyal and hardworking subjects (citizens) of the Russian Empire and the USSR, nevertheless aroused the suspicions of both the tsarist and the Soviet administration, and in 1937 it was decided to resettle Koreans in Central Asia on suspicion of supporting the Japanese. Why one of the most loyal ethno-social groups of the Russian Empire and the USSR was suspected of disloyalty? Mistrust towards Russian and Soviet Koreans are connected with their strategy of socialization. Korean farmers, that mostly rented land from the Ussuri Cossacks, only partially cultivated agricultural products for the domestic market. Widespread became e.g. producing opium exported to China. The high demand for land rent allowed Russian landowners to lead the life of a “leisure class”, completely abandoning productive labor. The prospects for the degradation of the Cossacks with the reorientation of Far Eastern agriculture to foreign markets caused serious fears of the Russian administration. De-Cossackization policy pursued by the Soviet government can largely explain the repressions against the Koreans in the early Soviet time, because the Korean farmers made up the basis of the well-being of the Ussuri Cossacks. The deportation of Russian Koreans to Central Asia, accompanied by the liquidation of the institutions of national-cultural autonomy and repressions against the Korean Soviet elite and intellectuals, led to a change in socialization strategies. Soviet Koreans actively learned and used the Russian language, with the aim of acquiring a secondary and higher education as a way that opened a successful career in the field of economy, as well as science.

Н. И. Каримова

Джизакский государственный педиснтитут, Джизак, Узбекистан

**СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА И РОССИИ В ОБЛАСТИ
ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Развитие образовательного, научного и гуманитарного сотрудничества узбекских и российских высших учебных заведений обладает высокой степенью интенсивности, чему способствует сравнительно высокий уровень владения населением Узбекистана русским языком, наличие русскоязычных школ в

стране, широкая трудовая и образовательная миграция в Россию и высокая доля молодежи желающая получить качественное высшее образование в РФ.

Между вузами Узбекистана и России действуют почти 800 соглашений и меморандумов. Узбекистан входит в топ-5 стран по количеству студентов, обучающихся в России (48,7 тысячи). По данным представительства Россотрудничества в Ташкенте, в 2018–2019 учебном году квоты для абитуриентов из Узбекистана для обучения в вузах России за счет федерального бюджета составляли 203 места. В 2021–2022 учебном году они достигли 420 мест, а 2022–2023-м – 750 мест. При этом в вузах Узбекистана обучается более 400 студентов с российским гражданством. Приблизительно ежегодно 1 000–1 500 человек из Узбекистана поступают в российские вузы через выездные комиссии российских вузов. Важным направлением партнерства стали совместные образовательные программы между 31 вузом Узбекистана и 48 вузами России. В 2021–2022 учебном году квота приема абитуриентов на совместные образовательные программы с вузами России достиг 4 530 мест (3 937 – бакалавриат, 593 – магистратура). В поднятии сотрудничества в образовательной области на принципиально новый уровень особую роль играют узбекско-российские образовательные форумы (Ташкент, 18 октября 2018; Москва, 16 ноября 2021) и Межрегиональные конференции ректоров вузов России и Узбекистана (Астрахань, 8 апреля 2019; Москва, онлайн, 27 мая 2020 года и Бухара, 26 мая 2021), Центры межвузовского сотрудничества. Их действия направлены на усиления связи высшей школы с наукой и бизнес-средой, координации совместной образовательной и научной деятельности вузов двух стран. Одновременно проводятся встречи с учащимися старших классов школ, академических лицеев и колледжей, планирующих поступление в вузы РФ, обмен опытом работы с современными образовательными технологиями, лучшими образовательными моделями и практиками.

Практическим результатом сотрудничества стало развитие сети филиалов российских вузов в Узбекистане. Если в 2018 году в Узбекистане функционировало 3 филиала российских вузов, в 2021 году – 14, то в 2022 году

их количество возросло до 15. В них обучается более шести тысяч студентов, работают порядка 300 профессоров и преподавателей. Это позволяет многим юношам и девушкам Узбекистана получить новую профессию.

Необходимо, опираясь на наработанную практику, продолжить создание в Узбекистане филиалов российских вузов; расширение академического обмена; проведение совместных научных и инновационных форумов; мероприятий; студенческих практик, расширение сотрудничества.

Секция «Литература, языкознание, проблемы перевода и преподавания восточных языков»

Л. В. Кирюхина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОБ ИЛЛЮСТРАТИВНОМ МАТЕРИАЛЕ В СЛОВАРЕ ЛУ ИВЭЯ

Пример является важной составляющей описания грамматических особенностей употребления лексических единиц. В настоящем исследовании рассматривается иллюстративный материал первого словаря служебных слов традиционного китайского языкознания – «Юйчжу»⁵ Лу Ивэя⁶ (1324) [Лю Яньвэнь, 1986].

Использование примеров в «Юйчжу» носит бессистемный характер: они сопровождают 27 словарных статей из 66, в отдельных статьях приводится по несколько примеров. Так, в 50й статье встречается 13 примеров, а также указываются некоторые словосочетания с разбираемыми лексическими единицами. В целом, подбирая иллюстративный материал, Лу Ивэй опирается на классические труды: «Лунь юй» (21 пример), «Мэн-цзы» (14), «Шан шу» (12), «Хань шу» (4), «Ши цзин» (4), «Ли цзи» (3), «Цзо цжуань» (3), однако в работе

---

⁵ 《语助》

⁶ 卢以纬

присутствуют и 16 авторских примеров (в основном слова и словосочетания, есть два предложения).

Вероятно, автор прибегал к демонстрации в наиболее сложных для понимания случаях. Так, словарные статьи 55 凡 *всего*, 56 倘 *если*, 57 姑 *пока что*, 58 必 *обязательно* совсем короткие, не требуют подкрепления примерами. В 48 же статье, посвящённой 惡, на примерах поясняется отличие от 於, а также употребление 惡 в значении «каким образом» и как междометия.

Таким образом, отметим, что иллюстративный материал в «Юйчжу» Лу Ивэя даётся несистемно, его необходимость определяется мнением автора. Примеры взяты из классических произведений (сами произведения не всегда указываются), однако есть два примера с использованием разговорной 了.

Библиографический список

Лю Яньвэнь. Юйчжу цзяочжу [刘燕文。语助校注] «Юйчжу» с комментариями. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. 85 с. (на кит. яз.)

Н. В. Кутафьева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ

Категория эвиденциальности является значимой для японского языка, поэтому при обучении японскому языку следует уделять ей большое внимание, как на начальном, так и на продвинутом уровне.

В категории эвиденциальности отражаются разные типы рефлексии субъекта по поводу информации в предложении. Для выражения значений эвиденциальности в японском языке используются лексические (наречия, частицы); грамматические (служебные слова) и синтаксические средства

[изъяснительные предложения с лексемами, передающими способ получения или передачи информации (чувственный, вербальный, когнитивный) и лексемами показателями авторизации]. Кроме того, средства выражения эвиденциальности могут быть как синтетическими (словоформы с суффиксом -*gar*- со значением желательности, присоединяемые к прилагательным), так и аналитическими [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008. Т. 1. С. 178]).

Правильное использование средств выражения эвиденциальности напрямую связано с эффективным достижением целей общения: подтверждение истинности факта путем специального указания личной причастности к ситуации; убеждение собеседника в достоверности или недостоверности информации; дистанцирование и непринятие на себя ответственности за информацию.

При обучении использованию маркеров эвиденциальности, существуют следующие этапы знакомства с ними студентов на занятиях по японскому языку.

1. Объяснение понятия «категория эвиденциальности» и выражаемые ей значения.
2. Объяснение каналов получения информации, с которыми связан тот или иной маркер.
3. Знакомство с маркерами выражения эвиденциальности и их использованием.
4. Выполнение упражнений с большим количеством примеров для достижения правильности использования маркеров.
5. Объяснение различия между значениями, передаваемым с помощью различных маркеров, а также нюансы значений, передаваемые с помощью, квазисинонимичных конструкций.

Библиографический список

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008. Т.1. 559 с. (на рус.яз.)

Д. В. Соколов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИДАНЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ЯПОНСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В XX ВЕКЕ

Одними из первых в Японии исследовать киданьский язык и киданьское письмо начали Сиратори Куракити 白鳥庫吉 и Ханэда Тору 羽田亨. Изучив эпиграфику императорских могил Ляо, в 1925 г. Ханэда впервые смог определить различия между чжурчжэньским и киданьским письмом. Это открытие китайский лингвист Лю Фэнчжу 劉鳳翥 называет отправной точкой в исследовании киданьской письменности [Kane, 2009. P. 14; Liu, 1999. P. 159].

Во второй половине XX в. активно изучали киданьское письмо Мураяма Ситиро 村山七郎, Ямадзи Хироаки 山路広明, Осада Нацуки 長田夏樹, Тамура Дзицудзо 田村実造. С начала 1950–х гг. велась работа по дешифровке киданьских текстов и фонетической реконструкции слов, установлению происхождения знаков и выявлению их функции. В 1963 г., спустя четыре десятилетия после открытия Ханэды, разграничить символы большого и малого письма смог Тоёда Горо 豊田五郎 [Ibid, P. 166; Wu, 2010. P. 21].

Большое влияние на развитие как европейских, так и японских исследований по киданьскому письму оказали публикации Исследовательской группы по киданьскому письму 契丹文字研究小组 из КНР, активной в 1970–1980–х гг. Помимо продолжавших научную деятельность Осада и Тоёда, в конце XX в. киданьское письмо изучал Нисида Тацуо 西田龍雄, в начале нового столетия — Айсинь Гиоро Улхичунь 愛新覺羅烏拉熙春, Ёсиикэ Коити 吉池孝一, Такэути Ясунори 武内康則 [Ibid, P. 23].

Библиографический список

Kane D. The Kitan language and script. Leiden, Boston: Brill Academic

Publishers, 2009. 315 p.

Liu Fengzhu. *Seventy Years of Khitan Small Script Studies // Studia Orientalia Electronica*, Vol. 87. 2014. pp. 159–170.

Wu Yingzhe, Janhunen J. *New Materials on the Khitan Small Script.* Leiden: Global Oriental, 2010. 384 p.

А. Г. Сторожук

СПбГУ, Санкт-Петербург

ПРИНЦИПЫ НОВОГО ПЕРЕВОДА ЛЯО ЧЖАЯ

В четырёх прижизненных изданиях переводов новелл Пу Сун-лина академик В. М. Алексеев воплотил те правила и принципы, которые считал наиболее актуальными и адекватными поставленным задачам. К сожалению, закончить свою работу над переводом свода «Ляо Чжай чжи и» он тогда не успел, последний из законченных переводов датируется 1949 годом. Тем не менее, в настоящее время, работая над переводом полного свода «Ляо Чжая», выдвинутые В. М. Алексеевым принципы необходимо было не только возродить к жизни, но дополнить в тех аспектах, которые не получили окончательного оформления в своё время. Наиболее важным здесь явился вопрос передачи средствами русского языка ритмической прозы и стихов, вкраплённых в текст оригинала.

Aleksandr Storojuk

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

PRINCIPLES OF THE NEW LIAO ZHAI TRANSLATIONS

In the four lifetime translations of Pu Songling's stories academician V. M. Alexeyev demonstrated the principles he believed to be the most important and adequate to his task. Unfortunately he wasn't able to complete the "Liao Zhai zhi yi" translation, the last piece he translated was finished in 1949. Nonetheless at present, working at the complete "Liao Zhai" translation, Alexeyev's principles needed to be

reborn and supplemented in the aspects that haven't been perfected in their time. The most significant here seemed the issue of incorporation in the text and rendering rhythmical prose and verses with means of modern Russian narrative.

Е. И. Митькина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА МОРИСА ЛЕБЛАНА НА КИТАЙСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Первая публикация произведений французского писателя Мориса Леблана (Maurice Leblanc, 1864–1941), по мнению японского синоведа Тарумото Тэруо (1948 г.р.), была выполнена в 1912 году в журнале «Сяошо шибяо» (小说时报) [Ши Цзюань, 2014. С. 23]. Поначалу главный герой - Арсен Люпен – противостоял уже популярному Шерлоку Холмсу и по-китайски именовался *цзэй*-бандит, разбойник (贼). Позднее, в публикациях 1920-х годов его стали называть *сядао* – благородный разбойник (侠盗) и *ися* – благородный рыцарь, поборник справедливости (义侠), что явно показывает перемену в отношении к нему.

Произведения Леблана пользовались огромной популярностью, поэтому писатели того времени, осваивавшие новые жанры, начали писать подражания. Так, например, Арсен Люпен фигурирует в произведениях корифея детективного жанра Китая Чэн Сяоцина (程小青, 1893–1976). Известный журналист и писатель Чжан Биу также вдохновился книгами Леблана и создал детектив «История об интеллектуальном поединке двух героев» (双雄斗智记, *Шуан сюн доу чжи цзи*), в нем китайский детектив Хо Сан (герой произведений Чэн Сяоцина) и Арсен Люпен вступают в интеллектуальный поединок. В повестях Хэ Пучжая (何樸斋) также действует персонаж Лу Бинь (鲁宾), которого называют «восточным

Люпеном».

Сунь Ляохун (孙了红, 1897–1958) стал основателем нового жанра – «антидетектив». «Герой его произведений – Лу Пин – во многом (даже именем) напоминает персонажа прозы Мориса Леблана Арсена Люпена» [Митькина, 2021. С. 86]. Первые его работы написаны под явным влиянием творчества Леблана, но впоследствии он постепенно начинает вырабатывать свой собственный стиль.

Таким образом, влияние произведений Леблана и образ его героя Арсена Люпена оказали большое влияние на развитие китайской детективной литературы в первой половине XX века.

Библиографический список

Ши Цюань. Цун «Цзюйцзэй» «сядао» дао «ися» - Ясень Лопин цзай Чжунго дэ цзешоу [石娟.从“剧贼”“侠盗”、到“义侠” — 亚森罗莘在中国的接受]. От «бандита», «благородного разбойника» до «благородного рыцаря» — признание Арсена Люпена в Китае // Сучжоу цзяоюй сюэюань сюэбао [苏州教育学院学报] Вестник Института образования Сучжоу. 2014, цзюань 31, № 4. С. 22–26. (на кит.яз.)

Митькина Е. И. «Анти-детектив Сунь Ляохуна» // Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики. Москва, 2021. С 85–88. (на рус.яз.)

Е. Н. Емельченкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ РАЗМЫТОСТЬ КРИТЕРИЕВ

Доклад посвящен описанию различий в подходах, сложившихся в

русской и китайской науках, к выделению второстепенных членов предложения (ЧП). На конкретных языковых примерах показано, насколько различной может быть трактовка синтаксического статуса семантически близких элементов в теориях, опирающихся на разноструктурный языковой материал.

Национальные учения о ЧП, разрабатываемые на современном этапе не как универсальные системы, а как лингвоспецифические теории, учитывающие особенности конкретного языка, опираются на разные критерии выделения компонентов, что приводит к несовпадающим наборам ЧП. Это в меньшей степени касается главных ЧП, хотя и здесь могут иметься свои нюансы. Так, в китайской лингводидактической практике последних десятилетий для целого ряда синтаксических моделей по позиционному и семантическому критериям в предложении стали выделять два подлежащих – большое и малое, отношения между которыми описываются как довольно разнообразные. Это, например, посессивность и отношения часть-целое. В отечественной традиции соответствующим словоформам был бы приписан статус второстепенных ЧП – определения или дополнения. Отношения между двумя подлежащими могут быть и локативными или темпоральными, что в русскоязычной традиции соответствует детерминантам (детерминирующим второстепенным ЧП) в понимании В. В. Виноградова.

Имеет место и обратная ситуация, когда элемент, трактуемый русскими грамматиками как именная часть составного сказуемого, в китайской системе отнесен к такому типу второстепенных ЧП, как дополнительный элемент. Его синтаксический статус определяется не всегда последовательным применением позиционного и семантического критериев, что приводит к пересечению и смешению функций дополнения, обстоятельства и дополнительного элемента. Наблюдаются расхождения и в трактовке статуса предложно-именных групп как обстоятельств и косвенных дополнений.

С. В. Шапошников¹, Yu. Sadoi²

¹НИУ ВШЭ, Москва

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ЯПОНСКОГО БИЗНЕСА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ – ПРИМЕР NORENZO

Под воздействием цифровизации и КОВИД-19 все больше компаний в Японии переходят на телеработу. В таких условиях форма коммуникации меняется вместе с изменениями в бизнес-среде.

Поскольку сотрудники все меньше физически связаны друг с другом, важно осознавать важность NoRenSo как одной из системы общения. NoRenSo основывается на отчетности; информировании- сотрудник представляет отчет о своей работе начальству; консультировании- после отчета перед начальством и предоставления информации вовлеченным сторонам, сотрудник должен получить обратную связь и поделиться своими идеями.

Информационные технологии, телеработа позволяют сотрудникам легко коммуницировать друг с другом, однако информация, которую они получают, теперь ограничена лишь текстом и картинкой на экране, снижает чувство солидарности в компании. Японские компании всегда уделяли больше внимания командной работе, для которой необходимы горизонтальные и вертикальные коммуникации. Принятие телеработы ограничивает применимость NoRenSo, поскольку ее природа основана на общении лицом к лицу.

Однако использование цифровых инструментов может повысить эффективность NoRenSo. Приложения для общения позволяют практиковать отчетность и информирование в соответствии с условиями, сотрудники могут свободно создавать группы для общения по отделам, командам, проектам, клиентам. То же самое справедливо и для консультаций. Приложения могут помогать обсуждать и решать проблемы всеми членам команды.

Система NoRenSo остается одним из важных элементов японской бизнес-коммуникации, информационные технологии позволяют повысить ее эффективность NoRenSo даже в условиях дистанционной работы.